

Василий Васильевич Латышев.

(29 июля 1855—2 мая 1921).

В. В. Латышев поместил в изданном под его редакцией, ко дню пятидесятилетия бывшего Историко-Филологического Института, «Биографическом словаре лиц, окончивших курс Института» (Птгр., 1917, 91—99) обстоятельный автобиографический очерк, с приложением полного списка своих печатных трудов (стр. 99—107), появившихся до середины 1917 г.¹ Это избавляет меня от необходимости излагать ход жизни и деятельности В. В. в хронологической последовательности и перечислять все его труды. Попытаюсь лишь кратко охарактеризовать В. В., каким он представляется мне на основании знакомства с его научными работами и личных впечатлений, вынесенных за время долголетнего (с 1886 г.) общения моего с покойным.

В. В. всю жизнь упорно и неуклонно трудился. Трудился он в двух направлениях, в учено-учебном и в административном, причем оба эти направления, за исключением очень немногих лет жизни В. В., шли всегда параллельно. Какое из этих двух направлений было более по душе В. В., сказать не решаюсь. Кажется, однако, что административная деятельность привлекала и увлекала В. В. едва ли менее, чем ученая деятельность. Если бы было иначе, едва ли он, будучи избран в 1893 г. ординарным академиком Академии Наук, согласился бы принять предложенную ему покойным Деляновым должность сначала вице-директора, а затем директора департамента Министерства Народного Просвещения и посвятить пять лет своей жизни, достигшей к тому времени периода своей *ἀκμή*, чисто чиновничьей службе, хотя бы и на пользу народного просвещения. То, что В. В. в течение почти 16 лет состоял директором б. Историко-Филологического Института, более понятно. Институт был *alma mater* В. В., а затем стал его вторым «я». Такой любви и преданности к Институту, какие питал к нему В. В., я не встречал ни в одном из питомцев Института. Эту «влюбленность» в Институт приходится объяснять, до известной сте-

¹ К этому списку должны быть добавлены статьи В. В. напечатанные в 65 вып. «Известий Археологической Комиссии» (1918) «Эпиграфические новости из южной России», (стр. 9—21) и в I т. «Известий Академии Истории Материальной Культуры» (1921) «Заметки по греческой эпиграфике», (стр. 17—28).

пени, то, что В. В. готов был считать Институт, как высшую историко-филологическую школу, выше стоящим и более удовлетворяющим своему назначению, чем бывшие университетские историко-филологические факультеты, хотя последним, сколько бы ни было в них дефектов, Институт, несомненно, уступал, и должен был уступать, как высшее учебное заведение, преследовавшее, в первую очередь, профессиональные и преимущественно практические задачи. Пока Институт существовал, на него сыпалось немало нареканий, отчасти, быть может, и справедливых. Теперь, когда Институт покончил свое существование, и когда вряд ли суждено ему возродиться вновь, справедливость требует сказать, что Институт бесспорно принес свою пользу делу нашего просвещения: он не только дал России большое количество знающих свое дело и толковых преподавателей, но он создал и такие громкие имена в науке, какими были покойные питомцы Института: П. В. Никитин, А. В. Никитский и сам В. В. Латышев.

В. В. Латышев понимал Институт и его задачи так, как они представлялись самому видному его деятелю, К. В. Кедрову. «Кедровский режим» — вот был идеал В. В. И если приходилось, по ходу обстоятельств, этому «режиму» делать уступки, В. В. делал их, скрепя сердце. А на последнюю уступку, какую выдвигали опять-таки сложившиеся обстоятельства, он уже не чувствовал себя в силах пойти. В 1918 г. предполагалось произвести коренную реформу в организации Института; думали, что Институт, как самостоятельное высшее учебное заведение, удастся «спасти», если обратить его из Историко-Филологического в Педагогический с расширением программы преподавания, но со специальным уклоном в сторону педагогических потребностей. В. В., опять-таки скрепя сердце, принял на себя председательствование в Конференции Института, обсуждавшей реформу. Первые заседания ее прошли благополучно; может быть, В. В. надеялся, что коренной ломки дорогого ему учреждения не будет; что за сохранение Института в том виде, в каком он существовал полвека, выскажется больше голосов, чем это оказалось на деле. Когда он в этом разочаровался, он «придрался» к несущественному, в общем, поводу — необходимости подвергнуться, в будущем, переизбранию его на пост директора Института, и покинул место председателя, не доведя до конца заседания. Все попытки склонить В. В. взять обратно принятое им решение — оставить Институт — не привели ни к чему. Тот день, когда В. В. пришлось покидать стены Института, можно быть уверенным в этом, был если не самым тяжелым, то одним из самых тяжелых дней в его жизни. И нужно быть благодарным судьбе, что В. В. не суждено уже было дожить до того дня, когда Институту вообще пришлось сказать «χαιρέ». Это было бы, по истине, ударом в больное уже тогда сердце В. В.

Преданность В. В. родному ему Институту и его традициям — безотносительно к тому, каковы были эти традиции — делает, конечно, большую честь крепкой принципиальной стойкости В. В. Институт обязан ему очень многим, и в истории Института имя В. В. займет почетное место наряду с именем Кедрова. Равным образом и питомцы Института, в особенности, принадлежащие среднему и младшему периодам его существования, должны постоянно вспоминать с признательностью В. В. и помнить, что своими успехами в служебной и ученой карьере они столько же обязаны своим талантам, сколько и попечению о них их радетеля.

И другое учреждение также многим обязано В. В. Это — бывшая Археологическая Комиссия, товарищем председателя которой покойный состоял с 1903 г., вплоть до происшедшей в Комиссии реформы в 1918 г. В. В. блестяще поставил издательскую деятельность Комиссии, в особенности созданием нового ее органа «Известий», редактором которых В. В. был. Редакторская работа была, вообще, очень близка сердцу В. В., и количество проредактированных им в течение жизни материалов — огромное.

Но всего более обязана В. В., конечно, наука древне-греческой и византийской филологии, в особенности греческая эпиграфика. Одна же из ветвей последней, именно южно-русская греческая эпиграфика, навсегда будет связана самым тесным образом с именем покойного.

В Институте В. В. прошел «Соколовскую» школу и тут впервые соприкоснулся с греческими надписями, к которым Ф. Ф. Соколов чувствовал такое влечение. В Афинах, куда был командирован В. В. в начале 80-х г. г., он нашел таких крупных эпиграфистов, какими были в то время директор Французской школы Поль Фукар и секретарь Немецкого Археологического Института Ульрих Кёлер. С жадностью принялся В. В. за изучение греческих надписей — издавал и объяснял надписи неизданные, исправнее переиздавал надписи, уже изданные другими. Работы В. В., исполненные им во время его пребывания в Афинах, а также его магистерская диссертация «О некоторых эолических и дорических календарях» (1883), материал для которой им также был собран в Афинах, представляют собою превосходные образцы в его ученом наследии и свидетельствуют о широте его учено-исследовательского горизонта.

С возвращением В. В. в Россию этот горизонт не сузился, но сконцентрировался в одном направлении, которому затем В. В. и остался верен до конца своей жизни. Отныне его будут интересовать почти исключительно судьбы эллинизма и эллинизма в пределах Южной России; общие судьбы эллинизма и эллинизма отойдут на задний план.

В. В. вернулся из Афин вполне опытным и сведущим эпиграфистом, и в теории и на практике. Никто лучше его не умел тогда ни списывать надписей с оригиналов, делать с надписей эстампажи, тран-

скрибировать, восстанавливать лакуны в них, объяснять надписи по всем правилам эпиграфической критики и экзегезы. Немудрено поэтому, что, по указанию Ф. Ф. Соколова, бывшее Русское Археологическое Общество возложило на В. В. очень почетное, но вместе с тем и ответственное задание — составить «Свод» южно-русских греческих и латинских надписей. В. В. выполнил с большим успехом возложенное на него задание: сопоставленные им в надежном издании, снабженные русским переводом и необходимым комментарием *Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* не уступают берлинским «Согрога» и являются украшением в списке изданий Русского Археологического Общества. С 1885 г., когда появился первый том IOSPE, и до конца жизни В. В. был почти монопольным хозяином по изданию и объяснению греческих надписей, происходящих с юга России. К этой своей «монополии» он относился очень и ретиво и ревниво. Он не очень-то жаловал, когда кто-нибудь другой вторгался в эту область, где он считал себя — и в значительной степени мог считать себя по праву — полным хозяином. С одной стороны, эта «монополия» имела свои хорошие стороны: каждая вновь найденная надпись попадала в вполне надежные руки, и опубликование ее не задерживалось. С другой стороны, «монополия» имела и нечто отрицательное: В. В. не дал возможности другим войти в южно-русскую эпиграфику, не создал «школы» в ней, не оставил после себя достойных себе преемников в отмежеванной им для себя области. Нужно радоваться, что сам В. В. успел еще при жизни вторично издать, в 1916 г., первый том IOSPE и, в значительной степени, подготовить второе издание второго тома, равно как и новое издание «Сборника надписей христианских времен из южной России», вышедшего в первый раз, ко дню пятидесятилетия Русского Археологического Общества, в 1896 г. О том значении, какое имеют составленные В. В. сборники надписей, говорить не приходится. За работу, выполненную В. В. и выполненную им так умело, наука постоянно будет ему признательна.

В «Записках» Русского Археологического Общества помещен другой труд В. В., чрезвычайно важный для всех занимающихся историей и археологиею юга России. Это его *«Scythica et Caucasica»*, известия греческих и латинских писателей (выдержки в оригинале и переводе) о Скифии и Кавказе (2 тт., 1893—1900, 1904—6). В. В. положено было начало и составлению сборника, который должен был содержать известия о Скифии и Кавказе византийских писателей; смерть не дала возможности В. В. приступить к осуществлению этого издания.

Помимо составления указанных сборников В. В. было написано не мало работ в виде крупных и мелких статей, а также рецензий, относящихся к изучению северного побережья Черного моря. Часть

этих работ объединена была В. В. в 1909 г. в особом сборнике «Поэтика». История и государственный строй одной из главнейших греческих колоний на северном побережье Черного моря—Ольвии — послужили предметом прекрасной монографии В. В., доставившей ему ученую степень доктора греческой словесности (1887).

По словам самого В. В. в указанном автобиографическом очерке его, с 1906 г. он «значительно расширил круг своих научных интересов включением в него занятий по византийской агиографии». Толчок к этому дало издание В. В. «Жития свв. епископов Херсонских» (1906). Греческое житие епископов, помещенное в одной из рукописей Московской Синодальной Библиотеки, побудило В. В. внимательно заняться этой рукописью, и он пришел к убеждению, что все помещенные в ней жития святых и «слова» на праздники, за февраль и март месяцы, принадлежат одному и тому же автору, а что другие три месяца (июнь-август) минеи, составленной тем же автором, сохранились в одной Иерусалимской Святогробской рукописи. Самая минея издана была, в двух выпусках, в 1911—2 гг. (*Menologii Anonymi Byzantini saeculi decimi quae supersunt*). В сопровождающем издании текстов исследовании (Византийская «царская» минея, 1915) В. В. доказывал принадлежность всех текстов минеи одному и тому же автору, выяснял вопрос о последнем, определял его источники. В авторе минеи В. В. был склонен сначала усматривать Феодора Дафнопата, литературная деятельность которого, язык и стиль были обстоятельно изучены им в особых сочинениях («Две речи Феодора Дафнопата», «Страдание св. великомуч. Георгия, приписываемое Феодору Дафнопату». СПб, 1910—11). Потом В. В. отказался от мысли считать автором минеи Феодора Дафнопата и склонен был признавать ее автором Иоанна Ксифилина. В связи со всеми трудами В. В., относящимися к изданию и исследованию минеи, им было обнародовано несколько статей агиографического содержания и более десяти извлеченных им из разных рукописей неизданных пространных житий, послуживших источником для автора минеи.

Удивительна та методичность, которую умел вносить В. В. во все свои работы, касались ли они области классической или византийской филологии. Он всегда ясно сознавал ту цель, достигнуть которой стремился в своих исследованиях, и шел к достижению этой цели твердым и неуклонным путем, не взирая на все трудности, какие этот путь представлял. Оттого все работы В. В., независимо от того, приемлемы или неприемлемы те или иные результаты их, навсегда останутся глубоко поучительными в методологическом отношении. Труды В. В. смело можно рекомендовать всякому начинающему исследователю для изучения того, как нужно вести исследование. В свои византийские филологические штудии В. В. перенес все те приемы и методы, которые давно уже упрочились в филологии классической. В этом отно-

шении он напоминает покойных Д. Ф. Беляева, В. К. Ернштедта и П. В. Никитина, которые, начав свои занятия с памятников древнегреческой литературы, перешли затем к изучению византийских памятников письменности и в области исследования последних проявили те же блестящие стороны своего таланта, какими была ознаменована их предыдущая ученая деятельность.

Много и славно поработал В. В. Латышев в излюбленных им областях знания, и уже поистине можно сказать, что не даром он прожил свою жизнь. С самого основания «Византийского Временника» В. В. был его сотрудником; одна из последних его работ («К вопросу о литературной деятельности Константина Багрянородного») помещена также в «Византийском Временнике» т. XXII).

С. Жебелев.